

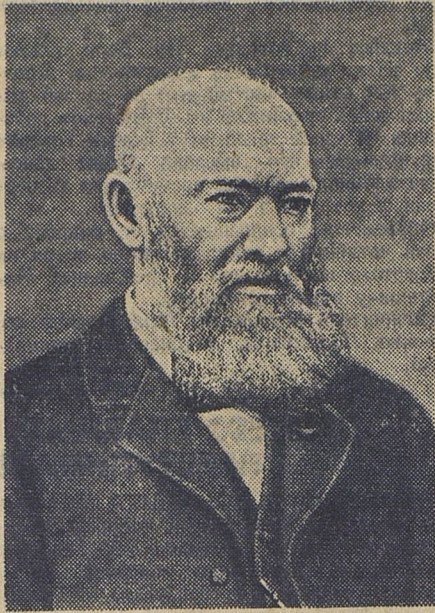
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ДРАМАТУРГ

К 60-летию со дня смерти А. Н. Островского

Прямо против Кремля, за Москвой-рекой, там, где сейчас высятся многоэтажные дома, где по залитым асфальтом улицам мягко шуршат шинами автомобили, а под землей мчатся поезда метро, сто лет назад жила своей обособленной, замкнутой жизнью малоисследованная «страна», называвшаяся Замоскворечьем. Тихи и пустыни были ее поросшие травой улицы, высоки деревянные заборы и ворота с крепкими запорами.

Почти в центре Москвы находилось Замоскворечье, но знали о нем почти так же мало, как о далекой Америке. Изредка можно было увидеть в щелку забора, как из небольшой баньки в глубине двора выскакивал на двадцатиградусный мороз и бросался нагишом в снег, а затем стремительно бежал обратно длинноротый купчина, любитель хорошо «попариться». Порой за неплотно прикрытыми ставнями можно было услышать грубый окрик или приглушенное женское рыданье, но в целом жизнь замоскворецких жителей была скрыта от глаз постороннего наблюдателя.

Здесь, в небольшом домике на Малой Ордынке, родился 12 апреля 1823 года Александр Николаевич Островский, замечательный драматург, создатель русского национального театра. С детских лет был он свидетелем нравов и обычаев, сохранившихся тут еще от далекой старины. Еще больше наблюдений над жизнью замоскворецкого купечества и чиновничества дали Островскому годы его работы в суде, куда поступил он, выйдя из университета после столкновения с одним из профессоров. Сначала Островский служил канцеляристом в так называемом Совестном суде (где «по совести» разбирались и решались различные семейные ссоры и недоразумения), потом работал в Коммерческом суде. Здесь перед ним проходило множество дел о злостных банкротствах купцов, о хитроумных уловках должников, увиливавших от расплаты с кредиторами, и т. п. Огромный материал для будущих пьес дал Островскому и знакомство с «клиентурой» его отца, служившего сначала мелким чиновником в канцелярии сената, а потом занявшегося частной адвокатской практикой в роли

«ходатая по гражданским делам». И когда в конце сороковых и начале пятидесятых годов появились первые пьесы Островского, запечатлевшие в ярких, типичных образах быт замоскворецкого купечества и чиновничества, молодого писателя стали называть Колумбом Замоскворечья.

Суровым обличением невежества и грубости, горячим протестом против насилия, произвола, поругания человеческих прав прозвучали первые же произведения писателя. В них вставал перед читателем целый мир человеческих отношений, чувств и переживаний, которых мало кто касался в литературе до Островского. То, что видел он за глухими стенами и высокими заборами Малой Ордынки и Полянки, можно было встретить в любом городе старой России. Самодуры-купцы, полновластно распоряжавшиеся судьбою своих детей и подчиненных, ловкие дельцы, взяточники и карьеристы, — с одной стороны, и бесчисленные жертвы самодурства, самоуправства, произвола: девушки, насильно выдаваемые замуж за стариков, честные служащие, задохнувшиеся в нищете, люди отчаявшиеся и спившиеся с круга, — такозы обитатели

того «темного царства», завесу над которым приподнимали пьесы Островского.

Длинной вереницей проходят перед нами герои его пьес — всеильные в своей семье Тит Титычи и Горден Карпычи, у которых один закон, один аргумент: «Я так приказываю!», хищные сгязатели Коршуновы, ловкие пройдохи Подхалюзины, казнокрады и взяточники Белогубовы и Юсовы. В дальнейшем к этой галлее представителей купеческой и чиновничьей среды присоединяются другие герои — разоряющиеся владельцы старых дворянских гнезд, не брезгавшие никакими средствами, чтобы поправить свое материальное положение (Гурмыжская в «Лесе», Мурзавецкая в пьесе «Волки и овцы»), новые «хозяева жизни», предприимчивые дельцы и хищники Кнуриовы, Великатовы, Беркутовы, промотавшиеся дворянчики Дульчины, Телятевы и Глумовы, попадающие за долги в «яму» или поступающие на содержание к богатым старухам. И за каждой из этих фигур писатель умел выпукло показать общественные условия, в силу которых оказывались возможными самодурство и самоуправство, процветали те нравы, которые так ярко обрисовывал он в своих пьесах. Именно эту сторону творчества драматурга имел прежде всего в виду Добролюбов в своей статье «Темное царство», говоря о значении пьес Островского. Он подчеркивал, что писатель изображал не преступников и извергов, «по самой своей сущности наклонных к злодейству», а людей, чьи неблагоприятные поступки являлись прямым результатом растлевающего влияния среды, «тех обстоятельств, посреди которых начинается и проходит их жизнь».

«Следствием такого убеждения, — писал Добролюбов, — является в нас уважение к человеческой натуре и личности вообще и... глубокая, непримиримая ненависть к тем влияниям, которые так задерживают и искажают нормальное развитие личности».

Но не только изображением отрицательных сторон жизни был силен Островский гуманист. Высмеивая пережитки прошлого, бичуя невежество и самодурство, писатель противопоставлял этому темному, мрачному миру взбалмошных самодуров, мошенников,

взяточников, сильные и цельные русские характеры, с любовью рисовал возвышенные стремления и мечты людей, бросавших своими словами, своей жизнью смелый вызов насилию, произволу, власти человека над человеком.

Уже в одной из ранних пьес Островского «Бедность не порок» горячие симпатии зрителя вызывал образ купеческого брата Любима Торцова, который даже на «дне жизни» — нищий, оборванный и пьяный — сохранил благородные чувства и порывы. Вслед за Любимом Торцовым Островский создает ряд других привлекательных образов, в которых рисует лучшие черты русского национального характера, прекрасные чувства и стремления. Герой его пьесы «Доходное место» молодой чиновник Жадов своей честностью, душевным благородством, прямою резко противопоставит миру стяжателей, взяточников, карьеристов и горячо верит в торжество справедливости и правды. Одаренный механик-самоучка Кулигин («Гроза»), человек с глубоко поэтической душой, мягким и нежным сердцем, полным трепетной любви к людям, мечтает изобрести перпетуум-мобиле, чтобы вырученный за него «миллион» целиком употребить на поддержку нуждающихся. Осмеянный кучкой богатых бездельников, оставленный любимой девушкой, молодой разночинец Петя Мелузов («Таланты и поклонники») не ожесточается душой, не теряет веры в человека, в добро и до конца своей жизни готов учить, «улучшать людей», потому что самое страшное для него — это «погрузиться в бездействие», отказать от борьбы...

С особенно большой любовью и сочувствием рисовал Островский в своих пьесах женские образы. Трогательны в своей безропотности и беззащитности героини его ранних пьес, жертвы отцовского самодурства или произвола взбалмошных «благотельниц» (Любовь Гордеевна в пьесе «Бедность не порок», Налья в «Воспитаннице», Аксинья в «Лесе»). Пленяют высоким душевным благородством, горячей верой в людей такие его героини, как Елена Кручинина («Без вины виноватые»), глубоко убежденная, что в каждом человеке можно отыскать и разбудить доброе начало, как Юлия Тугина («Последняя жертва»), готовая всем пожертвовать для любимого человека, обнаруживающая высокую душевную красоту и нравственную силу. Полон бесконечного очарования образ Снегурочки (из одноименной пьесы), олицетворяющей

светлое, чистое начало любви, торжествующей над смертью.

Когда появилась драма Островского «Гроза», героиня которой, гордая и решительная Катерина, бросает своей смертью смелый вызов «темному царству», Добролюбов ответил на нее знаменитой статьей «Луч света в темном царстве». Подробно разбирая образ Катерины, критик увидел в нем одно из первых изображений в русской литературе решительного, протестующего характера. Появление таких характеров, утверждал Добролюбов, означает, что уже расшатываются устои темного царства, что вслед за людьми, подобными Катерине, в жизнь придут люди еще более решительные и смелые, борцы за новую жизнь, за новые человеческие отношения. Образ Катерины, пленяющий цельностью, моральной чистотой, внутренней силой, является одним из наиболее пленительных образов всей русской драматургии и по сей час остается любимейшим у миллионов зрителей.

В одной из первых своих статей Белинский, говоря о первых шагах русской драматургии, основы которой были заложены творчеством Фонвизина, Грибоедова, Пушкина, восклицал: «О, как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могуществом фантазии, видеть биение пульса ее могучей жизни!» Творчество Островского утверждало принципы именно такого национального театра. Поистине вся Русь, во всем многообразии ее сословий, профессий, характеров, в ее прошлом и настоящем, предстала перед миллионами людей в пьесах Островского, быстро завоевавших себе почетное место на русской сцене.

Драматургия Островского глубоко национальна и по содержанию и по форме. Обращаясь к самым существенным сторонам русской действительности второй половины XIX века, к таким ярким страницам истории, как царствование Ивана Грозного («Василиса Мелентьева»), смутное время («Козьма Захарыч Минин-Сухорук»), писатель дал в своих произведениях не только живую галерею образов и типов, но и во всем многообразии запечатлел различные стороны русского быта. По пьесам Островского можно, кажется, изучать старинные обряды и обычаи, народные песни и пляски; они искрятся яркими зернами народного юмора, поражают красочностью

и богатством языка. Каждый из персонажей Островского (а их у него сотни!) говорит своим, одному ему присущим языком, в котором отражены и его общественное положение, и профессия, и черты внутреннего облика. Полны очарования страницы пьес Островского, посвященные русской природе. Любимые его герои — Снегурочка, Катерина, Лариса — кажутся неотделимыми от прекрасной природы, в которой находят они забвение и утешение в минуты горя...

Создателем русского национального театра Островский был не только как драматург, но и как общественный деятель. Тяжелое положение, в котором находился в его время театр, заставляло писателя всеми силами бороться с косностью и рутинной, царившими в этой области, добиваться создания театра, близкого и доступного самым широкому массам народа. Островский был инициатором ряда общественных организаций («Артистический кружок», «Общество русских драматических писателей и оперных композиторов»), он был автором докладных записок правительству, в которых требовал создания в России частных театров, приближения театра к народу.

Возможность вплотную заняться реорганизацией театрального дела в России открылась перед Островским лишь в конце его жизни, когда он был назначен заведующим репертуарной частью московских театров. Но на этом посту он проработал очень недолго. Тяжелая болезнь превратила жизнь писателя. 14 июня 1886 года Островский умер от приступа грудной жабы.

«Только после Вас, — писал Островскому Гончаров, — мы, русские, можем с гордостью сказать — у нас есть свой русский национальный театр. Он по справедливости должен называться «Театром Островского».

Своим творчеством Островский вписал одну из самых ярких страниц в историю русской театральной культуры. Театр Островского, так же, как театр его продолжателей — Чехова и Горького, близок и дорог нашему советскому народу и всегда останется нужным и близким людям нашей страны как театр большой жизненной правды, благородных стремлений и чувств.

Н. КАЛИТИН.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

14 июня 1946 г.

3 стр.